

«Азот» принял экологов и общественников города

Экскурсия на очистные сооружения

Филиал «Азот» АО «ОХК «Уралхим» в городе Березники стал площадкой для проведения круглого стола «Экологическая трибуна». В мероприятии приняли участие представители экологических служб промышленных предприятий города, администрации города Березники, общественники и СМИ.

В цехе очистки стоков гостей ознакомили с работой биологических очистных сооружений (БОС), куда отправляются стоки «Азота». БОС представляет собой комплекс инженерно-технических сооружений, которые предназначены для приема, транспортирования и биологической очистки сточных вод, производственной мощностью 19 200 м3 в сутки. В основе очистки воды лежат биохимические процессы нитри-денитрификации, которые осуществляются с помощью различных групп бактерий. Эта технология обеспечивает удаление загрязнений из сточных вод. В итоге качество воды, прошедшей такую очистку, соответствует допустимым нормам сброса в водоем. В биологических прудах, в которые поступает очищенная вода, живут простейшие микроорганизмы, индикаторы токсичности воды — дафнии. Эти пресноводные рачки предпочитают селиться в чистых водоемах. С 2020 года в прудах живет и рыба — сазан, карп, карась.

Во время встречи Оксана Таланкина, заместитель главного инженера филиала «Азот» по экологии — начальник отдела, представила юбилейный, десятый экоотчет предприятия и рассказала о проектах, реализованных в области промышленной экологии. На реализацию мероприятий по охране окружающей среды в 2020 году было направлено почти 142 миллиона рублей, что на 30 миллионов больше, чем в 2019 году. Это позволило, в частности, ввести в эксплуатацию современные технологические установочные и системы очистки, провести утилизацию и обезвре-

Замер воздуха

живание промышленных отходов, провести обучение и повышение квалификации руководителей и специалистов в области обеспечения экологической безопасности. Азотчики разработали программу автоматического контроля выбросов в атмосферу. Новый механизм должен обеспечить автоматизацию измерений, контроль учета показателей выбросов. Программа будет передавать необходимую информацию в государственный реестр промышленных объектов.

На заседании круглого стола выступила Людмила Быкова, начальник управления по охране окружающей среды и природопользованию администрации г. Березники. Далее выступили представители промышленных предприятий в сфере охраны окружающей среды.

Сергей Воробьев, заместитель главы города Березники: — Наш город — промышленный, поэтому особенно важно уделять внимание экологии. Такие выездные мероприятия в рамках экологической трибуны позволяют видеть, что делают предприятия в области охраны природы, а экологам и общественникам города не только получать информацию

Пресс-служба филиала «Азот» АО «ОХК «Уралхим» в г. Березники

из первых рук, но и обмениваться положительным опытом.

Андрей Семенов, директор филиала «Азот» АО «ОХК «Уралхим»: — В течение многих лет «Уралхим» реализует масштабный проект реконструкции и модернизации предприятия, основными целями которого являются не только рост объемов производства и повышение качества продукции, но и снижение негативного воздействия на окружающую среду. Общая сумма инвестиций за последние десять лет составила более 19 млрд рублей. Филиал «Азот» в полном объеме выполняет все требования российского и европейского законодательства в области химического регулирования, российских и международных нормативных документов по охране окружающей среды и рациональному использованию природных ресурсов. Вместе мы решаем общую задачу обеспечения экологической безопасности.

В 2021 году «Азот» продолжит реализацию инвестиционного проекта экологической модернизации предприятия. Наиболее пристальное внимание будет уделено вопросам сокращения потребления природных ресурсов: воды и природного газа.

Мне повезло ещё тем, что высокое медицинское начальство Березников в 90-х годах активно отправляло наших докторов учиться в ведущие научные институты. Меня направили в педиатрическую академию Санкт-Петербурга, где как раз совершалась мировая неонатальная революция. Там я училась

Чему удивляется неонатолог

Накануне Дня медика в Пермском крае прошла торжественная церемония награждения победителей краевого этапа Всероссийского конкурса врачей «Врач года». В номинации «Лучший неонатолог» победила врач «Краевой больницы им.Вагнера Е.А.» доктор высшей категории Татьяна ХАРУЖЕВА.

Татьяна Геннадьевна в 1992 году окончила педиатрический факультет ПГМИ, в 1993 году прошла интернатуру по специальности педиатрия, работала врачом-педиатром. После прохождения профессиональной переподготовки с 1995 года работает врачом-неонатологом в отделении новорождённых березниковского роддома. Неонатология — раздел медицины, который изучает новорождённых младенцев, их рост и развитие, заболевания и патологические состояния. Основными пациентами неонатологов являются новорождённые младенцы с синдромом дыхательных расстройств, которые болжны или требуют специального медицинского ухода из-за недоношенности, низкого веса, задержки внутриутробного развития, врождённых пороков развития или асфиксии.

Татьяна Геннадьевна, почему вы стали неонатологом?

— Когда я училась в медицинском институте, неонатология только зарождалась, в 1989 году о ней вышла первая книжка «Неонатология», и написал её наш учитель профессор Николай Павлович Шабалов. Мы все влюбились в эту науку, которая была новым словом в педиатрии. Новорождёнными раньше занимались врачи в детских стационарах, их назначили микропедиатрами, они мало что могли сделать в реанимации. В 1990-м в Перми начали открываться неонатальные отделения реанимации при родильных домах. На 4 курсе мы все пошли туда работать.

Увидели первые аппараты ИВЛ для новорождённых из Англии, такие красивые, голубые и без аннотации на русском. Раньше при вентиляции и наркозах младенцев применялись аппараты, предназначенные для беременных. Сейчас думаю — кошмар какой-то. С появлением ИВЛ для новорождённых наука стремительно пошла. До 2000 года неонатология произвела прорыв равносильный первому полёту в космос. Тогда началось: 700 грамм, 500 грамм — неонатологи стали выхаживать этих детей, научились оперировать неонатальные сердца.

— Сейчас в Березниках нет реанимации новорождённых. Как вы обходитесь в сложных случаях?

— К сожалению, из-за оптимизации отделение переведено в

у величайшего реаниматолога — профессора Цибулькина Эдуарда Кузьмича. То, что сделано в детской реанимации в стране — это всё он! К счастью, мне удалось поработать в созданной им реанимации для новорождённых. Туда приезжало много докторов из Германии, Америки. В 1998 году я ездила второй раз — уже появились первые неинвазивные вентиляции. То есть мы уже не интубировали, а вставляли носовые канюли, швейцарский доктор предложил. Такая подача воздуха более эффективна, бережна и сохраняет лёгкие.

— Что было в Березниках в ту пору?

— В 1996-97 годах в роддом набрали большой штат неонатологов. У нас были две большие реанимационные палаты и много аппаратов ИВЛ. Доктора Евгений Малинин и Сергей Клепшин обучились в Питере неонатальной реанимации и сделали в нашем городе детскую реанимацию, основываясь на последнем слове техники. У нас был единственный в области транспортный кювез для новорождённых. Мы занимались реанимацией 28-недельных и 30-недельных. Мы лечили их. Доктор Холодилов оперировал полутораклограммовых младенцев. Конечно, тогда младенческая смертность в Березниках в разы снизилась.

— Тогда же произошла революция под названием «Мать и дитя»?

— При главвраче роддома Владимире Николаевиче Манжае мы первые в стране попали в пилотный проект «Мать и дитя». В 1998 году к нам приехали американские, итальянские акушерки по обмену опытом. Все палаты послеродового отделения переоборудовали под совместное пребывание, даже недоношенные стали находиться с мамами, а в палату интенсивной терапии к тяжёлым младенцам разрешили доступ родителей. Начались совместные роды в присутствии родственников. Новорождённые стали выкладывать к маме на живот. Это было для нас, неонатологов, просто ура!

Представляете, когда дети были одни, в 2-3 часа ночи начинался страшный ор. Они хотели мам и плакали до 6 утра, пока их не привозили на первое кормление. Но только мы перешли на «мать и дитя», в отделении воцарились тишина и покой. Ночное кормление для ребёнка самое эффективное. С мамами рядом дети спокойны и довольны жизнью. Тогда мы первые в стране получили знак «Больница доброжелательного отношения к ребёнку».

— Сейчас в Березниках нет реанимации новорождённых. Как вы обходитесь в сложных случаях?

— К сожалению, из-за оптимизации отделение переведено в

Пермь. Но наши неонатологи владеют всем, чем можно, и реанимационные мероприятия мы проводим безотлагательно на месте.

— Как это бывает? Только человек родился, вас вызывают и вы бежите?

— Как говорил наш учитель, если вы бежите на реанимацию, значит, вы уже опоздали. Нет, мы являемся первыми неинвазивные вентиляции. То есть мы уже не интубировали, а вставляли носовые канюли, швейцарский доктор предложил. Такая подача воздуха более эффективна, бережна и сохраняет лёгкие.

— До появления неонатологии как выхаживали недоношенных детей в роддомах?

— Очень интересно: их клали на батарею, согревали. Любому новорождённому ребёнку нужно тепло, темно и тихо. Всё. А уже кто к жизни — тот выживал. Почему нас и ругают. Кто-то неонатологов называет «помощники Бога на земле», а кто-то «чёрные ангелы». Потому что если заниматься реанимацией маленьких — они ведь не умирают.

— Может, если какой-то ребёнок и умер, было бы лучше?

— Если мы сейчас начнём углубляться, тогда не надо ходить в эту профессию. Мы вообще-то идем не убивать людей, а спасать. Я видела прекрасных 500-граммовых детей.

К вопросу «жить или не жить?». Сегодня Швеция отказывается выхаживать детей младше 28 недель (у нас с 26 недель считая роды). Для скандинавов ребёнок, рожденный до 28 недель, рентерабель. Потому что неонатальная койка в любой стране самая дорогая, как и ожоговая.

— Были случаи, которые вас поразили? Например, вы сделали всё, а ребёнок...

— Сколько работаю, меня поражает только одно. Доктор, например, я, один и тот же, один и те же руки, та же критическая ситуация, действия совершенно одинаковые — алгоритм реанимационной помощи. А результат всегда разный. Грубо говоря, один ребёнок «заводится», и у него всё хорошо, а другой — нет. Я не знаю, в чём дело. У меня нет ответа на этот вопрос. Или: один пациент абсолютно безнадежный, но выживает и выздоравливает. А у другого шансов много, подаёт какие-то надежды, но всё заканчивается плохо. Вот это мы не понимаем. Об этом скажет любой доктор, занимающийся экстренной медициной. Чем больше работаем, тем больше удивляемся. Такое ощущение, что за нами всё равно кто-то стоит.

— К смертям можно привыкнуть?

— Нет. Всегда тяжело. Мы

просто к этому относимся более смиренно, что ли. Не рыдаем, не бьёмся в истерику. Но я ни одного равнодушного реаниматолога в Березниках не знаю.

— Какие ощущения у вас после того как удаётся вытащить человека с того света?

— Когда экстренная реанимация в родовом зале...И ты был такой сосредоточенный... А потом, после всего этого... Конечно, сухо во рту, тахикардия, обмякаешь, хочется прямо тряпочкой упасть и полежать. Тяжело физически вообще — это чувствуешь постфактум. Но так и должно быть, а если не будет тяжело физически, ты ничего не сможешь сделать.

— Один врач рассказывал, как он спасал своего ребёнка...

— Я считаю, что это вообще ужас. К своим лучше не подходить — довериться другим врачам.

— Уровень нашего роддома как оцениваете?

— Я люблю наших акушеро-гинекологов. Они... Я не выдержала бы так. Они вырабатывают столько лет подряд по 400 с лишним часов за месяц. Ставка — 163 часа. Вот я сейчас ушла домой после ночи, а акушер-гинеколог, которая вместе со мной была на сутках, сегодня остаётся до четырёх часов дня.

— Почему?

— Во-первых, их мало у нас осталось. Не идут доктора. Проблема медицинских кадров застарелая, и точку невозврата уже пройдена. Раньше в любой больнице прослеживалось три поколения врачей: самые молодые, 30 — 40 лет и возрастные, гуру. Помните знаменитых педиатров Музалевского, Лизину? Молодёжь

у них перенимала опыт, традиции. Сейчас мы все предпенсионного возраста. И никто не придёт за нами. У нас акушерки с золотыми руками, но они практически все 65+. Если бы в пандемию всех, кому 60+, вывели на пенсию, роддом бы закрылся. И почему акушерского факультета уже нет в Березниковском медицинском колледже? Что вообще происходит — мы не понимаем.

— Вы можете сейчас встать и сказать молодёжи: «Я буду наставником, идите ко мне!»?

— Нет, не придут. У меня дочь учится на 1 курсе Пермской медицинской школы. Тяжело физически, ты ничего не сможешь сделать.

— Остальные где?

— Они стали официантами, они делают ногти, брови. Получают большие деньги. Справшивается, зачем гробить свою молодость, 6-8 лет на тяжёлую работу? Учиться в институте очень тяжело. И при этом многие параллельно работают в аптеке. Я считаю, доктор и аптека понятия несовместимые. Фармафия и медицина — это вообще разное.

— А что можно сделать-то, чтобы привлечь молодёжь? Повысить зарплату?

— Дело не только в зарплате. Ну, повысят. А дурацкие условия важнее, чем рождение. Новорождённый ребёнок все-таки защищён. А умирающий человек в тяжёлой болезни не защищён. Ни от системы, ни от чего вообще. От никому не нужен. Вы не представляете, насколько трудно это пробить. Нужны очень большие деньги.

Ещё пишет ошибку ввода, всё сбрасывает — и начинай тыкать по новой. Я сидела на приёмке в поликлинике две недели. Заходит пациентка, а мне даётся невозможное оторваться от компьютера и заняться человеком. Так повсеместно в крае. В стационарах Перми доктора сидят до 8 вечера, печатают. Какое-то мучение.

— Ресурса не хватает? В чём дело?

— Нам сказали, что все компьютеры когда-то были закуплены для кабинетов информатики, но школы отказались от них — не тянут программы.И тогда решили подарить это железо медицине. Понимаете, я разговаривала с ребятами 4-5 курса. Не пойдут они в медицину государственную... При окладе 14 тысяч. Ни-ког-да.

— А кто вместо вас?

— У нас в коллективе достаточное количество неонатологов. Больше, чем в Соликамске. Я считаю, уход человека более важен, чем рождение. Новорождённый ребёнок все-таки защищён. А умирающий человек в тяжёлой болезни не защищён. Ни от системы, ни от чего вообще. От никому не нужен. Вы не представляете, насколько трудно это пробить. Нужны очень большие деньги.

— Вы рисковый человек, судя по фото в соцсети, занимаетесь экстремальным туризмом.

— В походы хожу всю жизнь. Обошли почти весь Урал. Мечта, конечно, Эльбрус.

Мы дружим с докторами из Омска. Они пытались открыть детский хоспис. Столкнулись с дикостью: дали им землю — затем отобрали; снова дали, узнали, что это будет хоспис — отобрали землю.

— Тут нужен олигарх, у которого кто-нибудь умирает?

— Думаю, не олигарх, а хотя бы осознание того, что это необходимо. Тяжёлых больных детей много, мы просто их не видим, они же не ходят по улице.

— Пермский фонд «Деморозим» организует чудеса для безнадежно больных детей на дому.

— Ой, прекрасные люди, я их так люблю! Когда Дмитрия Жебелева встречала, говорю: то, что вы делаете, вообще должно исходить из медицины. Он ведь журналист, но у него получается совершать вещи почти невозможные. Выйдя на пенсию, наверное, уйдю к нему работать.

— А дочь-студентку на что нацеливаете?

— Ни на что. Это её история. Но точно не в неонатологию. Мне кажется, неонатология стабилизировалась и уже не будет развиваться так интересно, как это произошло при нашем поколении.

— Перспектива за какими направлениями в медицине?

— Думаю, это хирургия, онкология, гематология. Гематология развивается гигантскими шагами. Раньше погибало 90 процентов больных без пересадки костного мозга, сейчас выживаемость очень большая, и люди живут полноценно.

— Вы рискованный человек, судя по фото в соцсети, занимаетесь экстремальным туризмом.

— В походы хожу всю жизнь. Обошли почти весь Урал. Мечта, конечно, Эльбрус.

Беседовала Елена ШМЕЛЁВА
фото автора